

Андрей Лазарчук

ОПОЗДАВШИЕ К ЛЕТУ

ТОМ III

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
Л17

Лазарчук, А.

Л17 Опоздавшие к лету. Том III / А. Лазарчук. — М. : Т8
Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 396 с. —
(Пальмира / фантастика).

ISBN 978-5-521-73917-2

Андрей Лазарчук — живой классик русской фантастики, ученик братьев Стругацких и создатель собственной литературной школы, лауреат всех основных премий в своем жанре. Однако сам писатель полагает, что его произведения не являются фантастикой как таковой. Определяя собственный художественный метод, он называет его «турбо-реализмом».

«Опоздавшие к лету» — «гипперроман», эпопея в семи частях, описывающая историю мира столь же похожего на наш, сколь и сильно от него отличающегося. Масштабная антиутопия, в которой реальность зависит не только от действий и слов, но и от мыслей и сновидений ее героев.

«Солдаты Вавилона» — заключительная часть эпопеи. Книга, в которой конфликты людей уходят на второй план, уступая арену сверхсуществом, могущественным, как боги...

BIC FM
BISAC FIC009000

© Андрей Лазарчук, текст, 2020
© Т8 RUGRAM, 2020
ISBN 978-5-521-73917-2 © Т8 Издательские технологии, 2020

СОЛДАТЫ ВАВИЛОНА

Если бы этот мир создавали мы с тобой, он выглядел бы лучше, не правда ли?

Э.М.Ремарк

Н И К А

Горели леса, и в маревом безветрии отстоявшийся дым сплывал в долину, в город, растекался по улицам, въедаясь в стены, одежды и лица. Днем небо обращалось в раскаленный алюминиевый колпак, на котором неясным бликом обозначало себя солнце. Кроваво-черные закаты пугали. По ночам наступало изнеможение — не от жары, а от несбывшегося ожидания прохлады. На рассвете происходила слабая подвижка воздуха, но тем все и кончалось. Соседи говорили о нашествии крыс, но Ника пока ничего такого не видела — кроме одной полувареной крысы, однажды переползшей ей дорогу. Ника вскрикнула от отвращения и хотела чем-нибудь в нее запустить, но ничего подходящего не было — а крыса остановилась, посмотрела через плечо на Нику долгим запоминающим взглядом и скрылась в дикой траве давно не стриженного газона. Несколько дней Ника не могла отделаться от гадкого привкуса этой встречи, но потом все стерлось. Иногда с наступлением темноты начинали выть собаки, все окрестные собаки, хором и вперебой, и тогда Сид просыпался и плакал, и не оставалось ничего другого, как брать его на руки и включать кондиционер. Она носила Сиду и напевала ему на ухо: «А по морю, морю хмурому корабли плывут черемные, Хельга-конунга кораблики, к граду-то Константинополю...» Грегори приедет и будет ее ругать, и будет прав, потому что сквозь воркова-

ние кондиционера доносятся позвякивания, будто проваливается монета, и на счетчике арендной платы меняется цифра — а Сид должен засыпать без посторонней помощи, без всяких телячьих нежностей, потому что только так воспитывается настоящий мужчина... это так, это правильно, но как же можно не взять ребенка на руки, когда по всему поселку воют, и воют, и воют собаки, и тебе самой жутко, и надо стать чьей-то защитой, чтобы побороть эту жуть? Она обволакивала Сиду собой и, наконец, он засыпал, а она еще долго ходила по комнате с ним на руках, оберегая от всех и всяческих напастей. Потом, конечно, засыпала и она.

Снилось ей только небо.

Слабые и прозрачные руки ловят восходящие струи и легко опираются о них, заставляя тело, которого как бы и нет, лениво скользить косо вверх, поворачивать, описывая пологую спираль и подставляя нежному солнцу то один, то другой бок. Восходящие струи невидимы, но руки сами чувствуют их и тянутся к ним; переход со струи на струю вызывает покачивание и легкий озноб. Земля глубоко внизу, раздавленные силой тяжести кварталы, голубовато-серая зелень городских больных деревьев, широкая полоса красного песка и красно-коричневая извитая лентареки, и где-то далеко — край моря... все похоже на утонувший город, видимый сквозь невыносимо прозрачную воду. И обязательно, рано или поздно, подступает: воздух из опоры превращается в пустоту, и — миг острого ужаса...

Липкая жара изводила. Ника принимала душ раз по пять в сутки — как только позволял Сид. Но тепловатая жидкость, текущая из труб, ни по температуре, ни по вкусу не напоминала воду. Это было так же тоскливо, как вой по ночам.

Дважды в день, утром и вечером, она выносила Сиду на лужайку перед домом и пускала поползать по травке в тени выгоревшего полотняного навеса. Несмотря на запрет, она поливала траву, и санитарный инспектор Бенефициус знал это, но старался не замечать и не реагировал на нашептывания старухи Мальстрем. Бенефициус, сорокалетний лысоватый толстый сердечник, был давно и безнадежно влюблен в Нику. Никто, кроме них двоих, об этом не знал. Иногда он подходил, когда Ника пасла Сиду, и рассказывал что-нибудь: что эпидемия среди крыс, как, наконец, выяснилось, не перекинется на людей, и то, что воду для ребенка следует сначала заморозить, а потом использовать только верх ледышки, и то, что в будущем году, может быть, откроют береговую линию, и тогда можно будет если не купаться, так хоть лежать вблизи воды, а это уже много значит... Он смотрел на Нику строгими глазами, и соседи думали, что он выговаривает ей за лужайку, а Ника в ответ кивала и виновато улыбалась, и казалось, что она обещает никогда-никогда... Изредка, раза два в неделю, звонил Грегори и, экономя, торопился быстро-быстро сказать все, и лицо его от этого делалось напряженное и чужое. Обычно он звонил с заправочных станций, последний раз — откуда-то из пустыни, за спиной его были серые, сточенные ветром песчаные холмы и серые жесткие кусты без листьев. Он сказал, что получил очень выгодный фрахт с премией за скорость и что теперь уж точно вернется домой, потому что устал и соскучился. Ждать его надо было со дня на день. Впрочем, бывало, что на полдороги он урывал еще один выгодный фрахт... Денег все равно хватало только-только.

Бенефициуса звали Лотом. Лот Бенефициус. Он очень смущался, когда называл свое имя.

Ника почувствовала приближение — непонятно как, но почувствовала. Сид, голенький, спал под марлевым пологом и крутился во сне. По раме показывали «Коктейль», и Ника, нацепив на ухо ракушку, ждала, что дадут хотя бы фрагменты из вчерашней демонстрации мод — она всю неделю хотела ее посмотреть, но Сид проснулся и раскапризничался, пришлось бросить все и укачивать, и петь, и носить на руках, успокаивая. Он никак не хотел возвращаться в кровать, отбивался, плакал, и только через час устал, сдался и уснул, обиженный на всех. И вот сейчас Ника вполуха слушала музыку и петушиный голос конференсье Карлоса, отпускающего бессмысленные шутки — и вдруг встала и шагнула к двери, еще не понимая, кто ее позвал. Постояв и ничего не увидев, она сунула ракушку в карман шортов и вышла из дому. Все вокруг было черным или желтым. Куда-то заторопилось сердце. Ника дошла до калитки и остановилась. К угнетающей духоте добавился странный внутренний жар. Через несколько минут из-за поворота пустынной улицы появилась черно-желтая морда «чудовища» — солнце плавилось в ветровом стекле — и возник его низкий рык, знакомый, родной, свой — Ника вытянулась в струнку и неподвижно ждала, когда этот дредноут приблизится, запыхтит, сбрасывая обороты, отдуется сжатым воздухом тормозов и намертво станет, горячий, обратив к ней слепой профиль кабины, и с той стороны хлопнет дверца, и возникнут шаги — два, три, четыре шага, — и Грегори, лохматый, клетчатый, широкий, весь в облаках сложных машинных запахов Грегори возникнет из-за... Нику подбросило в воздух — и, пока она летела, рот Грегори